

а.величанский

КАХЕТИНСКИЕ ПЕСНИ

1985-1986

а.величанский

КАХЕТИНСКИЕ СТИХИ

1985-1986

Москва
Издательство "Прометей"
МГПИ им. В.И.Ленина
1990

ББК 84Р7-5
В27

Издание осуществлено за счет средств автора

Величанский А.Л.

Вел 27 Кахетинские стихи. М.: Издательство "Прометей"
МГПИ им. В.И.Ленина, 1990. - 31 с.

4702010202 - 303

В _____ без объявл.
183(2) - 90

ISBN 5-7042-0220-9

© Александр Леонидович Величанский, 1990

Зурабу и Ламаре

"Где хорошо".

В.Хлебников

В Кахети, неподалеку от Телави, есть деревня Алмати. Я гостил там несколько раз и всякий раз недолго. Однако на то, чтобы хоть извне осмыслить "механизм" жизни этого селенья, ушел весь многолетний опыт моего общения с Грузией, без которого я не постиг бы образ страны в очертаниях этой деревушки. Впрочем, многолетнего опыта не жалко - приобщившись Алмати, я вдруг другими глазами взглянул на всю Грузию, на Тбилиси и даже на своих старинных в нем друзей. Приобщившись Алмати, я другими глазами взглянул и на русскую поэтическую традицию описания "кавказских красот", основным недостатком которой мне представляется нарочитая экзотичность изображений в сочетании с растительной пышностью слога, которую наши северные гости пытались сквозь неизвестный им язык усвоить у своих гостеприимных хозяев. Тешу себя надеждой, что хоть в какой-то мере отступил от этого чуть приевшегося уже в XIX в. канона, и, может быть, так оно и есть, если понимать "красноречие", без которого трудно говорить о Грузии, как ОБРАЗ, а не как ПРИЕМ. Тем не менее, освободиться от каких бы то ни было влияний невозможно - невозможно даже достаточно точно осознать, от кого и в какой мере ты зависишь в своих писаниях, особенно если пишешь о Грузии, где можно подпасть под обаяние поэта, который вовсе тебе неведом, но чья просодия, что называется, витает в воздухе. Таким образом, отстраняясь от известных мне Анны Каландадзе и Нико Самадашвили, тщательно избегая соприкосновения с теплолюбивой восторженностью Пастернака, я все же, как ни старался, не смог избавиться от нескольких интонаций Мандельштама ("Человек бывает старым, а барашек - молодым"). Но самое сильное и прямое влияние оказал на меня не вербальный, а визуальный ряд "Пасторали" Иоселиани - мне кажется, не заучи я эту ленту наизусть, я просто не увидел бы Алмати. А, возможно, все же увидел бы. Но, так или иначе, я благодарен Отару Иоселиани в той же мере, в какой бесконечно признателен Ламарс Кикнадзе, без рассказов и пояснений которой многим стихотворениям этого сборника просто неоткуда было бы взяться.

январь 1986

С января 1986 года я ни слова не изменил в этом сборнике, решившись не примешивать к тогдашнему его настроению скорбного чувства вины и ответственности, которое после 9 апреля 1989 года вытеснило все прочие мысли и ощущения, связанные в моем представлении с родной для меня Грузией.

апрель 1990

Чтоб уразуметь Алмати
должен видеть ты опору
всей долины Алазанской -
Алаверди храм среди
неба. Но его твердыня
без Алмати непонятна,
как дитя без материнства,
как кипенье без воды.

Далеко ли от Алмати
мир чужой и захребетный? -
Слушай, мир на то и мир он -
сам себя отыщет он.
Мир чужой от нас "имери"*,
и в определенном смысле
всяк чужак - имеретинец,
кем бы ни был наречен.

Чуть исчезла солнца кромка
яркая за кромкой горной,
в небесах раскрылись звезды,
как огромные глаза,
вспыхнула над Цинандали
и чуть дальше - над Телави
гроздь огней, что породила
алазанская лоза.

* *Имери (то же что Имеретия)*
дословно: "за хребтом".

●

С трех сторон вокруг Алмати
бурых гор застыла буря,
и из-за одной восходит
солнце - ярким, полноцветным -
а садится за другую
так же вдруг, молниеносно -
долгих сумерок томленье
здешних душ не растлевет.

●

По-над впадиною речки,
над ночным шумком Инцобы
дом стоит последний или
самый первый дом в селенье -
в отдаленье от овечьей
тесноты строений прочих,
и Инцоба об Алмати
по его оконцу судит.

●

А названия окрестных
населенных пунктов, словно
прейскурант напитков славных -
кто же в оном не знаток? -
но не вина, а селенья -
Цинандали и Кварели
иль сельцо Напареули,
или Грэми-городок.

●

Храм в селе напротив - "Хмала"
("Меч") - так назван почему-то
небольшой и обветшалый
храм - на нем растут деревья
и кусты - служил недавно
он сторожкой... Что ж поделать:
хоть во всем мы столь не схожи,
все же мы - единоверцы.

Где ж разрушенные храмы? -
на том свете, на том свете
они в Царствии небесном
пребывают неземны.
Где же тот, кто их разрушил? -
там же, где пребудет вечно
всяк свидетель разрушенья
дома, улицы, страны.

Осень поздняя блаженна.
Урожай тяжелый собран.
И вино в огромных кеври*,
по словам грузин, "кипит",
словно лава в недрах зѐмных -
та, что вырвавшись наружу,
как усталость, замирает
в гор мозолистый гранит.

На дворе ноябрь, но лето
еще теплится в Алматі.
Яблоки - в ветвях зеленых
и фонарики хурмы,
но чем выше, тем рыжее
горный лес, а выше - иней,
выше - снег: чреда сезонов
вертикальна - до зимы.

Кабаны, медведи, лисы,
зайцы, серны - все со снегом
в горных зарослях столкнутся
вскоре и усвоят ясно
смысл его, как смерть, холодный,
но - дурная иль благая -
снега весть достигнет редко
обитателей долины.

* Кеври - зарытый в землю глиняный сосуд
для хранения вина.

•
Вепри? - нет: за перевалом
они кроются: лезгины
по старинке мусульманской
не едят свинину их...
Рай свиной! Эдем кабаний!
Нет земли обетованной
лишь бедняге человеку,
убивавшему святых.

•
Ночь, конечно, очевидней
дня цветного. Кто же мрака
не заметит? Только ночью
нам вселенная видна.
В ночь отчетливее речи
той воды высокогорной
в час, когда душою чистой
с кем-то говорит она.

•
За горой восточной где-то
встало утреннее солнце,
но еще лежит в Алмати
тьма ночная. И роса
полновесна. Гонит стадо
в темноте пастух. Но в небе
на глазах созвездья гаснут:
выцветают, как глаза.

•
От зимы зимою, братцы,
никуда нам не укрыться.
На вершинах гор окрѣжных
снег лежит. Но он растает.
Лишь с шестым по счету снегом
настает зима в Алмати
теплая для нас - пришельцев
из страны шестого снега.

Не видны - слышны скорее
гор аккорды - на октаву
или выше или ниже
горизонт неугомонный.
Этой музыкой от зренья
скрыта сини монотонность -
беспросветная пустыня
неприкаянного неба.

Высоко на горных кручах,
как шаман, кричит и скачет
о, почти отвесных речек
полудикая вода,
что влачится по долине
нищенкой в отребьях пены
с известью кавказской в сгибах
утомленного хребта.

Но и здесь печальна осень.
В огородах чахнет чала*.
Ночь приходит в гости рано
и гостит подолгу, но
еще с яблони могучей
не стряхнул мальчишка яблоч,
и, как клад, уже зарыто
в землю новое вино.

Почвы серой и зернистой
россыпи и впрямь золотые.
Но дороже золота летом
серебристая вода:
меруэ** ее мгновенно
превратит в вино, как в Кане
Галилейской иль в сациви
превращает без труда.

*Чала - сухие стебли убранной кукурузы
или проса.

**Меруэ - тот, кто распределяет воду
для орошения.

●

Утро. Горы неподвижны.
Нежен свет. Какой-то малый
на околице деревни
зло швыряется камнями
в некую собаку - каждый
раз собака отбегает
от камней, но неизбежно
возвращается... В чем дело?

●

Как в любой другой деревне
укреплен среди Алматы
на столбах, для пытки годных,
лик великого тирана,
и глядит аляповато
на крестьян зсмляк великий,
что за общий счет написан
неким местным богомазом.

●

Взобрался соседский мальчик
в крону яблони старинной,
словно в рай - в большую крону
погрузился глубоко,
словно в воду. Камнепадом
яблок град по травам скачет,
и от яблони родимой
катится недалеко.

●

Мрак предутренный - старухой
обернется иль собакой.
И крестьянин погоняет
утро, словно жеребца.
Вмиг дороги, словно реки,
зазвучали. Даже тени
на роскошном горном ложе
не залеживаются.

●
Вырубить в горах окрестных
несколько каштанов, срезать
ветви с желтизною листьев
и до голой древесины
обтесать стволы литые -
пусть с горы, ветрам открытой,
волоком лошадка стаптит
балки будущего крова.

●
Или быть веселым старцем -
плясуном и балагуром,
но рассказывать в застолье
осенью про виноградник:
"До меня ль сму? - от родов
он, как баба, отдыхает.
Я ж тоскую: что ни день я,
а пойду его проведать".

●
Иль зайти к соседу утром
попросить помочь в работе,
от участия в застолье
отказавшись церемонно
церемонно согласиться
нового вина отведать
и до поздней ночи славить
дружеству и труд совместный.

●
Или сшить такую бурку,
чтобы бурку не пробила
дробь, ни малого калибра
пуля, чтоб постлавши бурку
и укрывшись буркой той же,
путник спал или охотник
до утра средь снежной бури,
как под кровом, безмятежно.

●
Иль старухами вокруг жарких
углей на горе собраться
зябким вечером - судачить
о делах, соседях, ценах,
свадьбах, похоронах, родах,
ну, а главное, - справляться,
кто кого иль одурачил,
иль не смог - дурак несчастный.

●
Или стариком бессильным,
когда все ушли по делу,
оставаться в доме гулком
приглядеть за малым внуком
и сидеть неколебимо,
неподвижно вспоминая -
что? - а то, что нам, возможно,
и вовеки не припомнить.

●
Если ж молод ты, как утро,
в тесных "рэнглеровских" джинсах
ты на корточках с друзьями
посиди на перекрестке
улочек, смеясь, толкуя
о "фиатах" и справляясь,
кто кого иль одурачил,
иль не смог - дурак несчастный.

●
Иль пируй с заезжим гостем,
дом открой родне иль другу,
чин веселья соблюдая,
как завещано от предков -
что за снедь, вино, а тосты! -
так сплелись в них ложь и правда,
как влюбленные сплелись бы,
если б их никто не видел.

●
Иль поймать лису (в капкане -
лапка, а капкан - на жерди)
и показывать соседям:
свежей шкурою своей
поднимает пыль лисица
и к земле родимой жметя,
безвозвратно озираясь,
но не глядя на людей.

●
Или бросив молодую
и неспешную работу,
за ворота выйди: тащит
по земле сосед лисицу.
На глазок прикинь: стара ли,
и коль молода и самка,
пни под хвост ее для смеха
модного носком ботинка.

●
Или будь самой лисцей:
из родной норы спускайся
за курятиной в Алмати,
привыкай к повадке той,
что присуща псам и людям,
чтоб капкан заржавый щелкнул
иль в горах зеленых, рыжих
грянул выстрел голубой.

●
Этот край ветхозаветен:
здесь, как блик земного рая,
по словам Екклесиаста,
"сладок свет", как виноград.
Если ж лозы портят лисы -
их поймав, как Соломон вам
рек: "возлюбленным несите
лис и свежих лисенят".

●
Иль будь осликом, который
целый день идет, который
целый воз везет, который
почему-то на щенка
вдруг походит, а походка
у него грустна, как песня
грустная: и груз несносен,
и дорога далека.

●
Или стань таким шофером,
как Коро* - в его машине,
как в утробе материнской
пребываешь ты, хоть мчится
он быстрее, чем дорога
успевает мчать навстречу -
только Роберт Лукашвили
мог бы с Ястребом сравниться.

●
Или с девушкой (с невестой)
вечером на новой "Ладе"
выехать к мосту чрез русло
каменистое Индобы,
чтобы видно было с кручи
в Сабуэ - селе напротив -
светомузыки в машине
межпланетное мерцанье.

●
Есть у каждого в Алмате
кличка: Кундза будет Кундзой
весь свой век - не станет древом
тот, кто вживе прозван Пнем;
Бэхви (лодырь, недотепа)
не ленился б, если б не был
прозван Бэхви, как источник
им же найденный потом.

**Коро - значит "ястреб" (прозвище).*

●
Иль пойти взглянуть, как строит
новый дом Зураб Кикнадзе
(он хоть здешний, но в Тбилиси
жил весь век свой, бедолага)
и чуднее его дома
нет в Алмати... Книгочей он:
видно вычитал из книжек
острой крыши очертанья.

●
Иль испечь в старинном тонэ*
хлеб старинный, как преданье,
и хрустящий полумесяц
отнести приезжим людям
городским: пускай надломают
неумелыми руками
этот хлеб, что по-грузински
"хлебом матери" зовется.

●
Или взять и побраниться
с этим увальнем-соседом -
ведь сосед - твой рок, а кто же
до конца судьбой доволен?
Слушай, надо же когда-то
душу отвести... И разом
оборвать поток проклятий:
свиньи! свиньи в огороде!

●
Иль красавицею местной
будь - средь бела дня звездой -
потонув во взоре черном
собственном и вск одна
ты пребудешь даже в толпах,
неподвижна и в движении,
словно молнией, своєю
красотой поражена.

* Тонэ - врытая в землю глиняная печь,
в которой пекут хлеб.

●

Или будь вдовою - что же
делать? - в меру безутешной,
скорби чин благопристойно
соблюдая: слезных рек
берега тверды - из взора
лишь печаль течет незримо...
Что ж на свете тяжелее
покрасневших вдовьих век?

●

А ведь мы еще недавно
у покойного гостили...
Строгое его радушье
походило... на закон.
Был он стар, но прям и древним
был достоинством исполнен
и безмолвием - к безмолвью
привыкал заранее он.

●

Или к родственнице дальней
подрядись сложить палати*.
От доходной работенки
заскорузли и разбухли
руки у тебя. Но русских
слов армейское звучанье
ты забыл так прочно ныне,
что не понял бы команды

●

Быть работником отменным
трудно здесь - еще труднее
быть лентяем - длинной тенью
день ползет за ним. Молвой
здесь пронизан всяк. И всё же,
как в любом краю, труднее,
ах, всего трудней, батоно,
просто быть самим собой.

**Палати - нижний этаж дома.*

Лишь в Алмати в предрассветной
тьме я понял: по-грузински
петухи кричат в Алмати
так же, как в краю любом -
их Господь затем и создал,
чтоб по всей земле кричали
на наречии грузинском
о Пришествии втором.

Алматинские крестьяне
твердо верят в землю предков,
прочно верят просто в почву,
благодать для них вода,
верят в небо, верят в горы
и в платан священный верят,
свят для них св. Георгий
и Тамар для них свята.

О рождении Гомера
семь исчезнувших навеки
городов доныне спорят.
Но в укор чужой вражде
всяк грузин святой царице
и воительнице всюду
поклоняться может: тайно
прах Тамар зарыт везде.

Бог живет в горах - известно -
и в большом нагорном небе.
Из-за туч нагорных зорко
он взирает: вот долина,
вот известные до мысли
душ держатели - людишки...
Но, как благодать, огромна
гнева Божьего лавина.

Очертанья гор старинных,
лиц старинных очертанья,
словно надпись на забытом
языке... Открыть секрет
очевидный не удастся
даже пылкому Рамазу...
Мало ль на земле загадок,
а отгадок вовсе нет.

Поелику прочно связан
всяк грузин через обычай
с историческою далью -
памяти не утомив,
может жить он средь преданий
древних, как в бетонном доме,
и истории печальной
предпочесть цветистый миф.

С небесами селянина
цепь очажная связует:
на цепи - котел семейный,
пар съедобный - над котлом...
Цепь была той вертикалью,
что Иакову приснилась,
но зачах очаг, и всё же
ХРАМ грузина - отчий дом.

С пышных гор, что к ночи солнце
спрятав, утром возвращают,
злые дэвы не спускались
в наши мирные места,
рыжей Дали не видали
в виноградниках окрестных,
но от древнего платана
тень священная густа.

●
Ах, не вздумайте, батоно,
покупать домишко этот!
Он хоть дешев - с дешевизны
этой вряд ли будет прок.
Говорит вещунья наша,
а уж ей-то можно верить:
над землей, где дом построен,
злбный тяготеет рок.

●
"Э! Никто в домишке этом
не живет и жить не будет -
коль очаг твой на заклЯтом
месте - горек его дым".
Но стоит домишко - садом
одичавшим зарастает:
надо ж где-то приютиться
наконец и духам злым.

●
Если же на галлерее
под лозою виноградной,
где янтарной кукурузы
свалена початков гроздь,
среди чурчхел, рядом висящих,
есть сосульки покороче,
значит в доме есть ребенок -
есть из будущего гость.

●
Мы - заезжие профаны -
на вино мы, как на небо,
лишь мечтательно взираем -
ничего не видно нам,
но провидит кахетинец
много тайных тайн, когда он
на вино глядит, как зодчий -
на воздвигнутый им храм.

Если кто-то умер в доме,
целый год в стенах печальных
петь нельзя застольных песен,
напевать ли за работой:
пусть покинувший жилище
слышит лишь, как дом родимый
ежедневно, ежедневно
скорбь немая оглашает.

Два бездомных пса при доме:
Бйби - словно пыль, приземист,
клочковат, а в Муре гаснут
долговязые кровя.
Биби млад и весел, Мура
стар и грустен. Был и третий
пес, да люди пристрелили,
видно, в краже улова.

Дева в трауре прозрачном
вычурном и даже модном,
как окутанное в вечер
утро - вовсе б не смотреть
на подчеркнутую смертность
плоти сумрачно прелестной...
Да, тиран хвалил недаром
вирши "Девушка и смерть".

- Ненадежен ваш обычай:
если пьешь за человека,
что навск покинул землю,
слившись телом с ней - звучней
должен быть трезвон бокалов,
и тогда душа услышит
поминальный звон и речи
всех, тоскующих по ней.

●
Недосуг крестьянам здешним
ждать ли светопреставленья,
чаять ли земного рая -
знают здесь из рода в род:
принесут плоды деревья,
и лоза - веселья грозди,
и обкатанные камни
с гор Инцоба принесет.

●
Всяк грузин наполовину
состоит из речи яркой -
не одни голосовые
связки, не язык один -
говорят глаза и плечи,
поза каждая, осанка,
а без рук красноречивых
нем бы сделался грузин.

●
Эта речь - сама горячность
солнечная (смысл вторичен)
и нарочитою, если
возомнишь ее, взгляни,
как в запястьях перекатов,
в мощных венах горных речек
негасимым пульсом бьется
голубая кровь страны.

●
Ах, в устах прекрасных женщин
он, как счастье, бездыханен,
а в устах мужчины, словно
вновь гортань его суха -
вздохом, смехом ли застольным,
но грузин обозначает
все, что одухотворенно,
животворным звуком "цха".

●

Вот он завтрак наш воскресный:
среди тенистых вспышек солнца -
кисть седого винограда
хладная, как вдохновенье,
и золотая плоть орехов,
как извилистого мозга
слепок иль как гор бурливых
маленькое изваянье.

●

Ни при чем в краю отрадном
свечеревший несудачник -
что ж ты делал ранним утром,
ничего не сделав, друг?
Погляди на виноградник,
что плодит людскую радость,
на счастливую подкову
гор селения вокруг.

●

Нес я лестницу, что утром
одолжила нам соседка
(мы спускали лишний шифер
через новое окно),
и какая-то старуха,
рассмеявшись ртом беззубым
мне сказала: "Генацвале,
чем ты занят? Пей вино!"

●

– Мне приснился, генацвале,
сам святой Георгий. Сколько
было там людей, но сразу
я его узнала и
говорю: "Так много горя -
отчего не помогаешь?"
Он же: "Разве это горе? -
то ли будет - погоди".

●

Не достроен дом Зураба,
но в единственной готовой
комнате есть шкаф и ширма,
стол, - чуть призрачная мебель,
пережившая блокаду
Ленинграда - здесь Андрею
и привычно и уютно
будет, где б он ни был ныне.

●

Воздух здешний золотистый,
словно звонкая монета
с твердым курсом обращений
солнечных, и чуть живой
воздух наш - легко ранимый
и рассеянный, как будто
то ль одной измучен думой,
то ль кручиною одной.

●

Раз уж выпили за встречу,
надо выпить за разлуку.
Что сравнится с разлученьем? -
не бывает вечных встреч -
за устои вековые
расстояний, за дорогу
роковую, что пред нами
вздумает назавтра лечь.

●

Выпьем за непониманье!
за незрячий взгляд, что свойствен
иноземцу на чужбине -
ведь не тайну - лишь покров он
видит. Выпьем же за то, что
человек с землей родимой
слитны, нечленораздельны,
как...соитье - рогор ари?*

*Рогор ари - как это сказать.

Кахетинское младое
цвета гор окрестных рыжих
кружит головы, как солнце
в небесах высоких кружит.
Вдохновенно пахнет киндзой,
базилик лиловый красит
горы снеди - между ними
речь журчит потоком горным.

Выпьем же за дом Зураба! -
островерхой иль покатою
кровля может быть - у КРОВА
очертаний не ищи
очевидных - не глазами -
лишь душою благодарной
познаешь его - у крова
очертания души.

Вчуже край чужой прелестней,
чем он есть на самом деле.
Если заживо с землею
связан ты - не до пейзажей
ежедневных. Не дай, Боже,
в отчуждении прозреть нам.
Выпьем же за тех, чья ноша -
крест пожизненной чужбины.

Кисть, чья зелень - словно окись,
эта гроздь вина литая,
вся в пыльце мне вдруг напомнит
мною виденную в хати*
гроздь зеленых колокольцев,
что когда-то украшали
перерезанные горла
в жертву съеденных баранов.

* *Хати* - святилище, молельня
у хевсуров и пшавов.

Описать размером древним
плясовым и хороводным
вкруг ствола корней кружение -
круг сезонов, круг забот
деревенских и особо -
душ поруку круговую
и, как хоровод созвездий,
крови яркий хоровод.

Всяк народ - урок другому,
всяк народ - укор другому,
всяк народ - гора, с которой
лучше видно гребни гор,
что бушуют по соседству
неподвижно, безоглядно,
и породе их невнятен
ни урок и ни укор.

Будь же, речь моя, прощаньем,
горечью и облегчением:
слова маленькая капля
падает - как камень с плеч.
Многоточье точек зренья -
звезд беспечных многоточье -
так молчанье обрывает
переполненную речь.

Нет, не женщины, а звезды
породили нас. С родимой
пятью праха у любого
есть космическая связь:
если ты рожден в Алмати,
солнце ходит над Алмати,
месяц ходит над Алмати,
звезды кружат отродясь.

Звездочеты-книгочеи
говорят, что в миг зачатья
сочетаются не люди -
всех созвездий полумгла.
Стало быть, в твоих объятьях -
вся вселенная - не тело
женское. Так выпьем, братья,
за небесные тела.

Хоть в своем огромном небе
гор хребет не коронован,
и никто не княжит ниже
над долиною вина,
но пейзаж настолько пышен,
обрамленный вышиною
гор, что без гипербол ясно:
это - царская страна.

Труден сельский труд, как всякий
труд родной на свете труден -
заскорузли твои руки,
голова твоя седа -
но коль вмятен, словно воздух,
труд, бессмыслицы лишенный,
то граничит труд с отрадой,
как с долиной гор гряда.

Или полдень средь Алматы
на ногах стоит нетвердо?
Небеса ль не увлажняет
звезд красивая роса?
Иль от ртвели и до ртвели*
обмелели наши чаши?
Или мужеству невнятна
дев кровавая краса ?

* Ртвели - время сбора винограда.

Тяжела и камениста
кладка стен в Алмати тесном:
камень к камню тяготеет,
камень к камню дико льнет -
дай нам, Боже, жить, как должно,
умереть, как подобает,
превратившись сокровенно
в край родной, в родной народ.

В городе, где под асфальтом
не видать родного праха,
зарастает родовое
древо дикою корой,
но почтительны в деревне
к старикам, почти как к мертвым,
ибо без почтения к предкам
мертв народ полуживой.

Песнь грузинская: прекрасен
лад ее многоголосья.
Если бы могли поладить
люди, слившись, как мотив.
Добрых вин букет грузинский:
если бы могли и люди
сделаться добрей, прозрачней,
как вино, перебродив.

Красота, как пропасть, та, что
вечностью голубоватой
полнится, и небу трудно
различить ее черты:
смесь кромешного паденья
с самым горным порываньем -
красота и есть условность
безусловной красоты.

●

Грузии издревней слава!
Алазанским долам слава!
Славному Алмату слава! -
здесь в краю души нагой
славны мѹжи, славны девы,
коньяки и вина славны,
но всего славнее слава -
слава славе дорогой!

●

Всѣ сказал я, как казалось
глаз, души ли зазеркалью,
не кривя сознанием зыбким
ради слов. Алаверды
к гулкам сводам Алаверды
и к горам окрестным гулкам,
к кевври гулкому, в котором
бродят речи тамады.

●

(Строгий переписчик Торы
на пергаменте, что сразу
станет древним, завершая
труд свой, вправе оставлять
мал пробел для двух ли, трех ли
слов – пусть впишет их заказчик,
приобщась собственноручно
тебе, Божья благодать).

СОДЕРЖАНИЕ

"Чтоб уразуметь Алмату"	5
"Далеко ли от Алматы"	5
"Чуть исчезла солнца кромка"	5
"С трех сторон вокруг Алматы"	6
"По-над впадиною речки"	6
"А названия окрестных"	6
"Храм в селе напротив – "Хмала"	6
"Где ж разрушенные храмы"	7
"Осень поздняя блаженна"	7
"На дворе ноябрь, но лето"	7
"Кабаны, медведи, лисы"	7
"Вспри? - нет: за перевалом"	8
"Ночь, конечно, очевидней"	8
"За горой восточной где-то"	8
"От зимы зимою, братцы"	8
"Не видны - слышны скорее"	9
"Высоко на горных кручах"	9
"Но и здесь печальна осень"	9
"Почвы серой и зернистой"	9
"Утро. Горы неподвижны"	10
"Как в любой другой деревне"	10
"Взобрался соседский мальчик"	10
"Мрак предутренний - старухой"	10
"Вырубить в горах окрестных"	11
"Или быть веселым старцем"	11
"Иль зайти к соседу утром"	11
"Или сшить такую бурку"	11
"Иль старухами вокруг жарких"	12
"Или стариком бессильным"	12

"Если ж молод ты, как утро"	12
"Иль пируй с заезжим гостем"	12
"Иль поймать лису в (капкане)"	13
"Или бросив молодую"	13
"Или будь самой лисицей"	13
"Этот край ветхозаветен"	13
"Иль будь осликом, который"	14
"Или стань таким шофером"	14
"Или с девушкой (с невестой)"	14
"Есть у каждого в Алмате"	14
"Иль пойти взглянуть, как строит"	15
"Иль испечь в старинном тонэ"	15
"Или взять и побраниться"	15
"Иль красавицею местной"	15
"Или будь вдовою - что же"	16
"А ведь мы еще недавно"	16
"Или к родственнице дальней"	16
"Быть работником отменным"	16
"Лишь в Алмате в предрассветной"	17
"Алматинские крестьяне"	17
"О рождении Гомера"	17
"Бог живет в горах - известно"	17
"Очерганья гор старинных"	18
"Поелику прочно связан"	18
"С небесами селянина"	18
"С пышных гор, что к ночи солнце"	18
"Ах, не вздумайте, батона"	19
"Э! Никто в домишке этом"	19
"Если же на галлерее"	19
"Мы - заезжие профаны"	19
"Если кто-то умер в доме"	20
"Два бездомных пса при доме"	20
"Дева в трауре прозрачном"	20
"Ненадежен ваш обычай"	20
"Недосуг крестьянам здешним"	21
"Всяк грузин наполовину"	21
"Эта речь - сама горячность"	21
"Ах, в устах прекрасных женщин"	21

"Вот он завтрак наш воскресный"	22
"Ни при чем в краю отрадном"	22
"Нес я лестницу, что утром"	22
"Мне приснился, генацвале"	22
"Не достроен дом Зураба"	23
"Воздух здешний золотистый"	23
"Раз уж выпили за встречу"	23
"Выпьем за непониманье"	23
"Кахетинское младое"	24
"Выпьем же за дом Зураба"	24
"Вчуже край чужой прелестней"	24
"Кисть, чья зелень - словно окись"	24
"Описать размером древним"	25
"Всяк народ - урок другому"	25
"Будь же, речь моя, прощаньем"	25
"Нет, не женщины, а звезды"	25
"Звездочеты-книгочеи"	26
"Хоть в своем огромном небе"	26
"Труден сельский труд, как всякий"	26
"Или полдень средь Алматы"	26
"Тяжела и камениста"	27
"В городе, где под асфальтом"	27
"Песнь грузинская: прекрасен"	27
"Красота, как пропасть, та, что"	27
"Грузии издревней слава"	28
"Всё сказал я, как казалось"	28
("Строгий переписчик Торы"	28

Александр Леонидович Величанский
КАХЕТИНСКИЕ СТИХИ

Зав.редакцией В.И.Грушецкий
Редактор В.З.Айзенштат
Обложка художника В.М. Радецкого
Технический редактор З.С.Кондрашова
Корректор А.Л. Лейкин

Подписано в печать 27.04.1990 Л - 13641.
Формат 60х84/16. Бумага офс. № 2. Печать офсетная.
Гарнитура "Таймс".
Усл.печ.л. 1,86. Усл.кр.-отт. 2,0. Уч.-изд.л. 1,95.
Тираж 3000 экз. Заказ 12 5 к Цена 2 руб.

Издательство "Прометей" МГПИ им. В.И. Ленина
119048, Москва, ул. Усачева, 64.
Оригинал-макет изготовлен на системе Macintosh SE
в СП "Интерквадро".
125130, Москва, 2-й Новоподмосковный пер., 4.
Отпечатано на Производственно-издательском комбинате
ЦНИИТЭИ "Петит".

